

Майкл Оукшот. Рационализм в политике

Майкл Оукшот – английский философ середины XX века, критик рационализма. Оукшот говорит о двух типах знания: техническом и практическом. Первое можно зафиксировать в инструкциях (книгах), второе можно передать лишь от наставника ученику.¹ Оукшот рассматривает [рационализм](#), как антипод традиционализму. Рационализм не доверяет практическому знанию и не считает его важным. До истины способен добраться голый разум, и предложить изменения, не считающиеся с традицией.² Это оченьозвучно с идеями Джеймса Скотта, изложенными в книге [Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни.](#)

Книга представляет собой сборник статей. Ссылку на эту книгу я нашел у Талеба в [Антихрупкости...](#) (см. также [Что почитать по менеджменту](#))

Майкл Оукшот. Рационализм в политике. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.

Купить бумажную книгу в [Ozon](#)

РАЦИОНАЛИЗМ В ПОЛИТИКЕ

Рационализмом в политике – одно из течений современной европейской политологии. Рационалист утверждает независимость разума в любых возможных обстоятельствах, свободу мысли и отказ преклоняться перед авторитетом. Над дверью любого рационалиста можно было бы высечь предписание [Парменида](#) — выноси суждения путем разумного размышления. По своему образу мысли он является гностиком, сформулированное [Рункеном](#) правило *Oportet quaedam nescire* (Что-то должно оставаться неизвестным, лат.) для него — пустой звук.

Такой человек — отмежевавшийся от традиционных знаний собственного общества и не видящий смысла в том, чтобы усматривать в образованности нечто большее, чем владение техникой анализа, — как правило, склонен считать общество неопытным и потому беспомощным в критические моменты жизни; ему недостает самокритичности даже для того, чтобы спросить себя: а как же столь неопытному сообществу удавалось выживать все это время?

Между тем изо всех сфер человеческой деятельности именно сфера политики может показаться наименее поддающейся рационализации — ведь политике свойственно глубоко увязать в

¹ Аналогичный подход предлагает Джоэль Мокир в книге [Дары Афины](#): Полезные знания включают знания о «том, что», или пропозициональные знания (иными словами, убеждения) о природных явлениях и закономерностях и знания «о том, как», то есть инструктивных или прескриптивных знаний, которые можно называть технологиями. В дальнейшем будем называть пропозициональные знания Ω -знаниями, а прескриптивные знания — λ -знаниями. Если Ω соответствует греческому слову *episteme* («наука»), то λ — слову *techne* («искусство» или «техника»).

² Краткую рецензию см. также: Андрей Веретенников. Майкл Оукшот. Рационализм в политике // [Философско-литературный журнал Логос](#), 2002.

традиционном, случайном и преходящем. Рационалист верит в открытость разума, в свободу его от предрассудков и их наследия — обычаев. Он верит в то, что ничем не скованный человеческий «разум» явится безошибочным советчиком в политической деятельности. Ведь все, что нужно рационалиstu, это достичь истинности мнения и выявить рациональные основания существования того или иного института. Следовательно, политическая деятельность рационалиста во многом сводится к вынесению на суд собственного разума всей совокупности наличных социально-политических, правовых и институциональных структур общества. Рационалист не может признать ценность чего бы то ни было только потому, что это существует (тем более, когда это существует на протяжении многих поколений). При таком подходе, как правило, легче дается не принятие или реформирование сущего, а разрушение его и созидание нового. Чинить, ставить заплатки (то есть заниматься делом, требующим терпеливого изучения материала) — это для него пустая трата времени. Наличие изменения он признает только в том случае, если таковое произведено сознательно, и из-за этого он склонен допускать ошибку отождествления обычного, традиционного, с неизменным.

Практическое ведение дел видится рационалистом исключительно как инженерная деятельность. Именно в понимании политики как частного случая инженерии и состоит миф рационалистической политики. Как было замечено [Вольтером](#), единственный способ получить хорошие законы — это сжечь все нынешние законы и начать с чистого листа.³

Рационалистическая политика всегда стремится к совершенству и единообразию. Рационалист не допускает существования таких политических проблем, для которых нельзя было бы найти какого-либо рационального решения. «Рациональное» разрешение любой проблемы является, по определению, совершенным решением. Политика, направленная на достижение совершенства, порождает политику насаждения единообразия; игнорирование обстоятельств приводит к тому, что и для многообразия не остается места.

Столь же характерна для нынешнего поколения присущая рационалистам вера в то, что политические структуры способны сделать ненужными нравственное воспитание и политическое образование. Представление о возможности сделать основой общества Декларацию прав человека есть порождение рационалистического ума.

Превосходство чистого интеллекта состоит именно в том, что он способен получить более обширное и точное знание о человеке и обществе, чем если бы он был чем-то обременен; превосходство идеологии над традицией состоит в том, что она обладает большей точностью и создает видимость доказуемости собственных тезисов. Вместе с тем она не является философской теорией познания в истинном смысле слова. Любая наука, любое искусство любой вид практической деятельности предполагает обладание достоверными знаниями. Эти знания повсеместно бывают двух видов. Первый вид знания я бы назвал техническим знанием. Главная его черта в том, что оно может быть точно сформулировано. Знание второго типа я назову практическим, так как оно существует только в применении, не является рефлексивным и, в отличие от технических знаний, не может быть сформулировано в виде правил. Подобное знание распространяется и становится всеобщим через практическую деятельность.

Два названных вида знания нераздельны, они являются двумя компонентами знания, вовлеченного в любую конкретную человеческую деятельность. Таким образом, знание политики предполагает обладание как техническими, так и практическими познаниями. Технические знания можно изложить в форме книги. Возможность точно формулировать технические знания придает этим знаниям видимость достоверности. В то же время характерной чертой практических знаний является то, что они не поддаются какому-либо формулированию. Им свойственно находить выражение в привычных или традиционных способах действия или, попросту говоря, в обычной практике. А это придает им видимость неточности, а стало быть, и недостоверности.

Технические знания поддаются наиболее примитивным формам заучивания и преподавания. Практическим же знаниям невозможно научиться, их нельзя преподавать, их можно лишь усвоить, обрести! Рационализм, как я его понимаю, сводится к утверждению о том, что знания, называемые

³ Ср.: Платон. Государство, 501а. Мысль, будто от закона можно освободиться, сжегши его, типична для рационалистов, для которых закон — это всего лишь нечто написанное.

мною практическими, вовсе не являются знаниями; собственно говоря, это утверждение означает, что единственным истинным знанием является знание техническое.

Так, например, превосходство идеологии над идейной традицией состоит в том, что первая производит впечатление самодостаточности. Легче всего насаждать ее между людьми с совершенно пустыми головами; если же пытаться привить ее тем, кто уже и так во что-то верит, то первым шагом учителя должно будет стать «промывание мозгов». На мой взгляд, ошибка рационалистов состоит в принятии части за целое, в наделении части свойствами целого. Второе заблуждение рационалиста заключается в представлении о достоверности технических знаний. Последние, кажется, начинаются с чистого незнания и приходят к достоверному и полному знанию; таким образом, создается впечатление того, что данное знание является достоверным от начала до конца. На деле же все это — иллюзия. Процесс приобретения технических знаний, как и любого знания вообще, состоит не в уходе от чистого незнания, а в преобразовании ранее приобретенных знаний. В пустую голову невозможно заложить ничего.

Рационализм зародился в начале XVII века. Главными фигурами эпохи формирования рационализма явились [Бэкон](#) и [Декарт](#); в их сочинениях уже присутствуют основные черты рационалистического подхода. Значимым элементом взглядов Бэкона является представление о принципиальной возможности разработки универсальной техники исследования. Любопытно, что постижение истинного знания начинается с «промывания мозгов», ибо такое знание должно быть самодостаточным и достоверным с начала до конца. Между знанием и мнением нет ничего общего. О том, чтобы вычленить истинное знание из «изначально присущих нам детских представлений», не может быть и речи. К сожалению, повышенное внимание к методу не дополняется здесь пониманием того, что одними лишь методическими познаниями знание не исчерпывается.

Декарт не менее Бэкона озабочен достижением ясного и отчетливого знания. А ясные познания возникают только в очищенном разуме; с очищения разума и начинается метод исследования. Технику исследований он описывает в виде набора правил, из которых в идеале должен слагаться некий непогрешимый метод, метод всеобщий и применяемый совершенно механически. В познании Декарт не признает никаких степеней, всякое неотчетливое знание есть просто незнание. Декарт в конце концов признает ошибочной ту мысль, что метод способен служить единственным средством исследования. Самодостаточность метода оказывается мечтой, а не реальностью.

Современный рационализм — это то, во что превратили заурядные умы незаурядные начинания гениев. Или, как говорил маркиз [Вовенарг](#): «Великие люди, приобщая к размышлению людей слабых, направляют их тем самым по пути заблуждений». Декарт так и не стал [картизианцем](#), однако, как говорил о XVII столетии [Буйе](#): «Картезианство одержало победу; оно захватило все это великое столетие, оно проникло в сам дух его — не только в философию, но и в саму литературу». Ни религии, ни естествознанию, ни образованию, ни самому образу жизни не удалось остаться в стороне от влияния нового рационализма: ни один вид деятельности, ни один слой общества не ушел от этого влияния.

Этот процесс подспудных изменений, привел к превращению рационалиста XVII столетия в современного рационалиста. То, что в XVII веке было L'art de penser (искусством мыслить, франц.) в наше время превратилось в опус типа: «Ваш разум и как им пользоваться: стратегия всемирно известных специалистов по тренировке ума при минимуме затрат». То, что раньше было Умением жить, стало теперь «Техникой успеха». Представления же о методе, благодаря которому становились равны между собой все умы, явились желанным упрощением для тех из людей, кто спешил обрести ученый вид, будучи, однако, не в состоянии должным образом — детально — овладеть всем имеющимся [духовным] наследием.

Однако не следует думать, будто утверждение рационализма происходило легко и не вызывало противодействия. Некоторые сферы человеческой деятельности — те, где изначальные позиции рационализма были весьма тверды (как, например, в литературе), — впоследствии освободились от его влияния. Со здравой критикой Декарта выступил [Паскаль](#), противостоящий ему хотя и не во всех, но в самых существенных моментах (подробнее о вкладе Паскаля в теорию вероятностей см. [Леонард Младинов. \(Не\)совершенная случайность. Как случай управляет нашей жизнью](#)). Во-первых, он понял, что картезианско стремление к достоверному знанию основано на ложном критерии достоверности. Декарту необходимо было взять в качестве отправной точки что-то столь

достоверное, что в этом нельзя было бы усомниться; поэтому он и пришел к мнению, согласно которому истинное знание есть знание метода. Паскалю же удалось избежать подобного вывода при помощи учения о вероятностном характере знания; достоверным может быть лишь знание частностей; парадокс состоит в том, что вероятностное знание является более истинным, чем знание достоверное. Во-вторых, Паскаль понимал, что ни в каком конкретном виде деятельности знание в целом не сводится только к картезианскому рассуждению. Паскаль показал, что философское заблуждение рационализма заключается в том, что методу и учению о его самодостаточности приписывается здесь качество достоверности; практическая же ошибка рационализма заключена в убеждении, что сознательное поведение — это всегда благо.

Рационализм прочно укоренился в современной политике. Рационализм присущ не только отрицательным, но и положительным сторонам нашей политики. Наши проекты являются в основном проектами рационалистическими. Рационализм уже больше не является одним из возможных стилей осуществления политики, он превратился в единственно возможный.

Своеобразным показателем глубины влияния рационализма на сам образ нашего политического мышления и действования является то, в какой степени политику восстановления стала вытеснять политика разрушения с последующим созиданием нового, вследствие чего всему, что возникает как продукт конструирования, осуществляющегося на основе сознательного планирования, оказывается предпочтение передо всем, что складывается, постепенно, само собой и как бы неосознанно.

Неформальный характер английской политики позволял нам долгое время проводить политику, не придающую чрезмерного значения активистской стороне и достижению определенных целей; он позволял нам, по крайней мере в политике, уйти от той иллюзии, будто с несовершенством возможно когда-либо покончить. Поэтому основное значение такой книги, как [Дорога к рабству](#) Хайека, состоит не в стройности предложенной им доктрины, а в том, что предложенное им является доктриной. План, состоящий в том, чтобы отказаться от всяческого планирования, возможно, лучше плана противоположного содержания, но он принадлежит к тому же стилю политики, что и его противоположность.

Рационалистическая политика является политикой удовлетворения насущных нужд, никак не связанных с истинным конкретным знанием того, в чем состоят постоянные интересы общества и каково направление развития этого общества; вычитанная из книжки рационалистическая политика дает этим нуждам «разумное» толкование и удовлетворяет их в соответствии с принятой ею

Ярчайшей чертой европейской политики рационализма последних четырех столетий являлось вторжение в нее политически неопытных деятелей. Стоит ли говорить о том, что именно человек, по воспитанию и образованию не предназначенный для политической деятельности, но обличенный политической властью и вынужденный, в силу обстоятельств, выступать с политическими инициативами, явится наиболее вероятным сторонником рационалистического подхода. Такой человек просто не может обойтись без некоего чудотворного метода ведения политики, способного компенсировать отсутствие у него надлежащего политического образования; поэтому он совершенно не склонен сомневаться в том, что подобный метод существует.

Именно такого рода руководство предлагают Бэкон и Декарт. Кроме того, неопытному политику, нуждающемуся в методе, вовсе не обязательно было дожидаться, пока его изобретут Бэкон и Декарт; — уже за сто лет до них новобранцы в сфере политики могли воспользоваться сочинениями Макиавелли, работа которого посвящена именно технической стороне политики (подробнее см. [Никколо Макиавелли Государь](#)). Замысел Макиавелли состоял в том, чтобы оснастить политиков шпаргалкой — суррогатом подлинного политического образования, методом, рассчитанным на властителей, не знакомых с традицией. Но, как и все вообще великие предтечи рационализма (Бэкон, Декарт), Макиавелли понимал, что возможности технических знаний ограничены. Поэтому, новому князю Макиавелли предлагал не только свою книгу, но и самого себя — на случай, если каких-то необходимых сведений в книге не окажется: он никогда не утрачивал понимания того, что политика, в сущности, есть дипломатия, а не метод.

Что касается новых, политически неопытных социальных классов, обретших за последние четыре века политические полномочия, им шпаргалки писали новые авторы. Например, Второй трактат о государственном правлении [Локка](#), труды [Бентама](#) или [Годвина](#). Если же говорить об авторитарности, то здесь ничто не может сравниться с произведениями Маркса и Энгельса. Эти двое

несомненно принадлежат к числу титанов нашего политического рационализма; и в этом нет ничего удивительного, ибо их произведения предназначаются для инструктирования класса, политически наименее просвещенного изо всех тех, кому когда-либо приходила мысль взять в свои руки бразды политического правления. Придав своему методу форму анализа не «человеческой природы», а хода событий (прошлых, настоящих и будущих), Маркс надеялся, что тем самым он избежал рационализма; но поскольку он постарался превратить описание хода событий в доктрину, это бегство от рационализма оказалось иллюзорным.

Поучительным моментом истории рационалистической политики является ранняя история Соединенных Штатов Америки. Американцы — простые, непрятательные люди, не склонные размышлять о том, что за обычай получили они в наследство от предков, живших в пограничных сообществах и привыкших самостоятельно устанавливать порядок и законность на основе общей договоренности, — мыслили свое общественное устройство не иначе как продукт исключительно собственных инициатив; они начинали на пустом месте, и все, чем они располагали, было добыто ими самостоятельно. Все это нашло ясное отражение в конституционных документах и в истории каждой из колоний.

В числе характерных черт политического рационализма есть две такие, которые делают его чрезвычайно опасным для общества. Во-первых, рационализм в политике, сопряжен с явной ошибкой, неправильным пониманием природы человеческого знания. В результате рационализм оказывается неспособным к исправлению собственных недостатков. Рационализм иссушает сам разум: жизнь по предписаниям в конце концов порождает интеллектуальную нечистоплотность. Рационализм не просто пренебрегает спасительным для него видом знания — он начинает с разрушения его. Все, на что способен предоставленный себе самому рационалист, это поменять один, неудавшийся, рационалистический замысел на другой — тот, на который он возлагает новые упования. Во-вторых, общество, усвоившее рационалистический метод ведения политики, вскоре проявляет тенденцию к тому, чтобы перевести на чисто рационалистические рельсы также и образование. Когда же рационализм одержит полную победу и в образовании, последним шансом на спасение будет обнаружить всеми позабытого педанта, «роющегося в древних пергаментах и заплесневевших рукописях» — ведь только он и сможет рассказать, каким был мир до воцарения «золотого века».

Одним из способов сохранения, а также передачи истинного знания является семейная традиция. Но рационализму недоступно понимание того, что для овладения профессией требуется опыт двух поколений; он даже делает все от него зависящее, чтобы исключить саму возможность подобного постижения профессии, считая это вредным.

Рационалистический стиль мышления присвоил себе всю сферу нравственности и морального воспитания. Мораль рационалиста — это мораль сознательного следования идеалам нравственности, этой морали обучают путем предписаний, путем изложения и разъяснения моральных принципов. И все это подается как более высокая нравственность, чем та, что выражается в привычке, в бессознательном следовании традиции нравственного поведения.

Мораль рационалиста подобна его политике, она представляет собой мораль личности-самородка и общества-самородка: другое название этому — «идолопоклонство».

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

«Рациональная» деятельность — это поведение, преследующее самостоятельно заданную [действующим субъектом] цель и определяемое исключительно заданной целью. Данная цель может представлять собой как некий внешний результат, так и наслаждение самой этой деятельностью. К целенаправленным действиям можно отнести как участие в какой-либо игре ради победы (а может быть, и ради получения приза), так и ради удовольствия, получаемого от самого игрового процесса. Далее, «рациональным» является такое поведение, которое сознательно направлено на достижение некой сформулированной цели и определяется исключительно ею. Помимо достижения цели возможно появление и других — в том числе и неизбежных — последствий и результатов подобного поведения, но все они являются по отношению к нему чем-то внешним, случайным и «иррациональным», поскольку они нежеланны, не являются частью замысла. Например, шаровары были задуманы не для того, чтобы шокировать типичных представителей

викторианской эпохи, повеселить или отвлечь их от повседневности, а для того, чтобы обеспечить их одеждой, вполне подходящей для езды на велосипеде. Создатель шаровар сконцентрировал свое внимание исключительно на механике и анатомии, оставляя в стороне все прочие соображения.

Тщательный отбор целей и средств предполагает решимость и способность противостоять хаотичному потоку обстоятельств. «Рациональное» поведение противоположно поведению импульсивному. Оно исключает поведение, подчиняющееся традиции, обычая или привычке.

Ошибочно называть деятельность «рациональной» на том лишь основании, что ее конкретная цель определена заранее и решено, что будет достигнута именно эта цель, исключая все прочие: дело в том, что определить цель деятельности до самой деятельности невозможно, а если бы это и было возможно, то источником деятельности все равно оставалось бы знание того, как достичь данной цели, а отнюдь не ее формулировка.

Тем не менее, на протяжении достаточно долгого времени люди сознательно стремились к тому, чтобы их поведение было «рациональным». Думаю, что своим происхождением эта иллюзия обязана некой ложной, но на вид правдоподобной теории образования, благодаря которой она не кажется иллюзией. Мы склонны верить в то, что для обучения какой-либо деятельности необходимо сначала преобразовать наши знания в ряд суждений (из которых складывается, например, грамматика языка, правила исследования, принципы проведения эксперимента и верификации, каноны мастерства) и что изучение деятельности следует начинать именно с изучения таких положений. Конечно, глупо было бы отказываться подобному педагогическому приему в определенной ценности. Однако, следует отметить, что, во-первых, данные правила и другие суждения о деятельности представляют своего рода конспект конкретного знания преподавателем своей деятельности (а, следовательно, они вторичны по отношению к самой деятельности) и во-вторых, изучение этих правил представляет собой самую примитивную стадию обучения любой деятельности. Выучить эти правила не составляет труда, но это будет далеко не все из того, чему можно научиться у преподавателя. С другой стороны, работа бок о бок с опытным ученым или мастеровым дает возможность не только выучить правила, но и обрести непосредственное умение, столь необходимое для занятия этим делом.

Когда в политике человек ощущает себя беспомощным, он, как правило, бывает склонен принижать ценность имеющихся в его распоряжении знаний и преувеличивать ценность и необходимость свободного, открытого мышления, которому он начинает приписывать способность знать о деятельности заранее. Движущей силой деятельности политического доктринера является не какое-то независимое позитивное знание о поставленной цели, а незнание истинного источника своей деятельности.

Мы считаем, что единственным содержательным использованием слова «рациональный» применительно к поведению является то, под которым мы разумеем верность имеющемуся в нашем распоряжении знанию о том, как осуществлять ту конкретную деятельность, которой мы занимаемся. «Рационально» вести себя значит поступать таким образом, чтобы не нарушать, а по возможности утверждать язык той деятельности, разновидностью которой является данное поведение. А это, конечно, не то же самое, что верность принципам или правилам или целям деятельности. Принципы, правила и цели суть не более чем сокращенные выражения внутреннего единства деятельности — храня верность этим последним, вполне можно утратить связь с самой деятельностью.

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ КОНСЕРВАТОРОМ

Быть консерватором значит демонстрировать предрасположенность к определенному типу поведения, отдавать предпочтение некоему определенному жизненному укладу. Среди общих черт этой предрасположенности главной является склонность довольствоваться тем, что есть, а не желать чего-то иного и не стремиться к иному; я имею в виду способность радоваться настоящему, а не прошлому или будущему. И не потому, что оно хранит связи с какими-то древностями, не потому, что оно представляет собой самую достойную из всех имеющихся возможностей, а потому, что оно ему знакомо.

Предрасположенность к консерватизму выказывают те, кому есть что терять, и кто научился ценить то, что имеет. Наиболее естественно консервативный настрой проявляется в старшем поколении,

которое имеет более полное представление о том, как богат возможностями окружающий их мир. В некоторых людях неразвитость консервативных наклонностей является следствием того, что им просто неведомо, насколько велики потенциальные возможности того мира, в котором они живут: настоящее представляется им сплошь беспросветным.

Консерватор понимает, что не всякое новшество есть улучшение; инновацию, не дающую улучшения, он склонен считать глупостью. Поскольку всякое улучшение, как он его себе представляет, предполагает изменение, то следует всегда соразмерить привносимый этим изменением беспорядок с той выгодой, которая ожидается вследствие осуществления данного изменения. Ибо инновация — это такая деятельность, которая порождает не только «улучшение», но и новую сложную ситуацию, в контексте которой инновация играет роль лишь одной из составных частей. Общее изменение — это всегда нечто более обширное, чем задуманное изменение; всех его последствий невозможно предвидеть — так же, как невозможно очертить пределы этих изменений.

Из всего этого человек консервативного склада делает определенные выводы. Во-первых, инновация влечет за собой непременные утраты и возможные приобретения — следовательно, бремя доказательства того, что предлагаемое изменение будет в общем и целом благотворным, лежит на инициаторе последнего. Во-вторых, консерватор считает, что чем более общего имеет инновационный процесс с процессом нормального развития (то есть чем в большей степени он представляет собой саморазвитие ситуации, а не навязанные извне изменения), тем меньше вероятность того, что он приведет не столько к положительным, сколько к отрицательным результатам. В-третьих, он полагает, что нововведение, представляющее собой попытку исправить тот или иной недостаток, восстановить нарушенное в чем-то равновесие, более предпочтительно, чем то, которое предпринимают с намерением добиться общего улучшения условий человеческого существования, — не говоря уж о тех нововведениях, что нацелены на достижение совершенства. Следовательно, мелким и ограниченным изменениям он отдает предпочтение перед изменениями масштабными и неопределенными. И наконец, он верит в то, что на ход инноваций существенным образом влияет случай, и при прочих равных условиях он выберет в качестве наиболее подходящих для нововведений те, при которых достигнутые изменения будут более всего соответствовать замыслу, а влияние на них со стороны нежелательных и неуправляемых факторов будет минимальным. Распространено мнение, согласно которому данный консервативный настрой заложен в самом основании «человеческой природы».

Большинство видов деятельности сводится к двум составляющим: цель и средства, задача и орудия ее осуществления. К орудиям у нас более консервативное отношение, чем к планам, задачам. Орудия менее поддаются обновлению, чем планы, так как орудия, за редкими исключениями, не создаются специально для выполнения данной частной задачи, чтобы потом быть выброшенными; орудия предназначены, как правило, для осуществления целого класса задач.

Если сказанное верно относительно любых инструментов, то особенно верны утверждения о консервативности наиболее универсальных инструментов, каковыми являются общие правила поведения.

Взирая на картину современной жизни, некоторые люди особо указывают на отсутствие порядка и гармонии как на главный признак современности. Мало того, они говорят, что видели во сне прекрасную, свободную от распрай жизнь — жизнь, достойную человечества, этот сон побуждает их искать способы уничтожения разнообразия и прочие причины, обусловливающие возникновение характерных для нашего времени конфликтов. Каждая их мечта содержит в себе представление о некоем бесконфликтном существовании, представление о такой степени согласованности, отложенности человеческих взаимодействий, при которой совместная деятельность четко развивается в определенном направлении и все имеющиеся ресурсы используются в полной мере. Соответственно и институт управления понимается такими людьми как принудительное приведение общества в то самое состояние, которое пригрозилось им во сне. Управлять для таких людей значит превращать свой собственный сон в обязательный для всего общества образ жизни. Таким образом, политика становится точкой пересечения мечты и реальной деятельности, а правительство получает в свое распоряжение соответствующие рычаги управления.

Смысловой стержень альтернативного — основанного на консервативном подходе понимания правления и его инструментов составляет идея о необходимости принять как предрасположенность

к тому, чтобы самим делать выбор и в том обретать свое счастье, наличие разнообразных верований, в каждом из которых ее приверженцы видят истину в последней инстанции. При этом задача правительства состоит не в том, чтобы навязывать своим гражданам иные верования и иные виды деятельности. Правитель выступает здесь либо в роли рефери, дело которого — следить за соблюдением правил игры, либо в роли председателя, руководящего дебатами в соответствии с принятыми правилами, но лично в них не участвующего. При этом, правильное поведение реализуются лишь в условиях, предусматривающих наличие разных точек зрения и разных видов деятельности.

Опыт человеческий не позволяет делать заключения вроде того, будто властители наделены высшей мудростью, снабжающей их лучшим пониманием и позволяющей действовать лучше других, благодаря чему они и получают право навязывать своим гражданам принципиально иной образ жизни. Мечты правителей ничем не лучше тех, на которые способен любой другой человек. Правительственные инициативы должны исходить из установившейся практики, а не из религиозно-философских положений, и ориентироваться при этом на установление мира и порядка, а не на поиск истины и совершенства.

Любое правительство, не умеющее обеспечить лояльности своих граждан, является бесполезным и что как раз этого и не может обеспечить правительство, выступающее (в старых пуританских традициях) «от имени истины» (поскольку некоторые из его подданных считают, что проповедуемая им «истина» суть заблуждение), в то время как правительство, с равным безразличием относящееся и к «истине», и к «заблуждению» и стремящееся только к поддержанию мира, не мешает гражданам быть лояльными в отношении его самого. Соединение правителя с мечтателем порождает тиранию.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СВОБОДЫ

В моем понимании свобода есть следствие отсутствия в нашем обществе центров всеподавляющей концентрации власти. Это условие проявляется в рассредоточении власти, между прошлым, настоящим и будущим — ни то, ни другое, ни третье не господствует над нашим обществом безраздельно. А о таком обществе, над которым полностью господствует либо его прошлое, либо его настоящее, либо его будущее, мы сказали бы, что оно страдает от деспотизма суеверий, а это несовместимо со свободой. Кроме того, власть у нас рассредоточена между множеством составляющих наше общество заинтересованных лиц и организаций. Управление нашим обществом предполагает также рассредоточение власти между правительством и оппозицией.

Либертариансское общество должно руководствоваться не некой предопределенной целью, а принципом преемственности (представляющим собой «рассредоточение» власти между прошлым, настоящим и будущим) и принципом консенсуса («рассредоточением» власти между различными легитимными интересами настоящего. Подобно мудрецам, мы живем в мире с собственным прошлым. Мы считаем себя свободными потому, что не забегаем вперед и не засиживаемся на одном месте, не желаем жертвовать ни настоящем отдаленному, непредсказуемому будущему, ни непосредственное обозримое будущее — преходящему настоящему. Те же, кто зовут нас к великим жертвам и желают сделать из нас героев, вызывают у нас недоверие.

Политика не должна исходить из представлений о некоем воображаемом обществе нового типа, она не должна принимать форму преобразования существующего общества в соответствии с абстрактным идеалом; дело политики — осознание того, какими должны быть следующие шаги по развитию зародившихся в лоне существующего общества ростков будущего. Следовательно, правильная политика может быть построена только на глубоком знании того общества, которое она намерена усовершенствовать, на ясном представлении о том, каково его нынешнее состояние, и на точно сформулированной программе реформирования его законодательства.

Главными из числа современных оппонентов либертарного общества, являются два таких взаимоисключающих направления, как коллективизм и синдикализм. Оба они рекомендуют осуществлять интеграцию общества посредством создания новых и укрепления имеющихся монополий; оба не видят ничего хорошего в теории рассредоточения власти.

Под коллективизмом понимают менеджеризм, коммунизм, национал-социализм, социализм, центральное планирование. Коллективизм и свобода являются альтернативами — выбрав одно, мы

оказываемся вынуждены отказаться от другого. Крупномасштабному коллективизму всегда присуща воинственность; в конце концов складывается и соответствующая этому настрою обстановка.

Библиография на русском языке

Бэкон Ф. Новый Органон // Соч. в 2 т. М., 1977.

Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и Первоначала философии // Соч. М., 1989.

Милль Дж. С. [Автобиография](#). История моей жизни и убеждений. – М.: Либроком, 2013.